

Посвящается Джойс

ПРОЛОГ

Она закрыла глаза и сделала несколько шагов к краю. Не было нужды убегать. Пока не было. Холодный, колючий ветер свистел в ушах.

Хрустнула ветка, и она ощутила за спиной чье-то присутствие. Потом услышала слабый запах знакомого одеколона, открыла глаза и обернулась.

— Ты меня напугал, — сказала она и подалась вперед, разглядывая раскинувшиеся внизу темно-зеленые кустарники и синевшую вдалеке полоску моря. Они были совершенно одни, если не считать несколько чахлах деревьев.

— Мне было интересно, какой отсюда открывается вид.

Она опустила руки и постаралась смягчить тон:

— И как тебе? Нравится?

— Очень. Но разве ты не слышала прогноз погоды? Надвигается шторм. Будь осторожнее. Все может измениться. Очень и очень быстро.

Она взглянула вверх, на тучи — тяжелые, набухшие влагой.

— Я подумала, что часик-другой на свежем воздухе смогут проверить голову. А еще я кое-кого жду. Он прибудет с минуты на минуту.

Раздался смешок.

— Сегодня очень ветрено, а ты стоишь слишком близко к краю. Давай поищем местечко потеплее, где можно будет поговорить. — Она не шевельнулась. — Ты обдумала мои слова?

— Да.

— И что?

— Я не могу. Не могу этого сделать. Мне жаль.

Резкий порыв воздуха взметнул ее волосы, хлестнул ими по лицу.

— Ничего страшного. Я все понимаю. Ты говорила кому-нибудь о том, что видела?

Она отступила на шаг.

— Обещаю, никто не причинит тебе вреда. Но мне нужно знать правду.

— Конечно не говорила. — Над ними клубился густой туман. Совсем скоро она перестанет видеть горизонт. Она собрала волосы в пучок и обернулась. — Ты поладишь с моей новой ученицей. Она способная девочка. Гений. Она может помочь. С... чем угодно.

Лоб покрылся холодной испариной. Она развязала шерстяной шарф, и обнаженная кожа горла покрылась мурашками — от страха. Она поняла: уже слишком поздно. Она прижала руку к щеке, чтобы перестать стучать зубами.

— Я просто хочу поговорить. — Голос был полон нежности и звучал успокаивающе. — Не бойся. Ты мне небезразлична, и я с уважением приму любое твоё решение.

Она подошла ближе.

— И ты знаешь, что я чувствую.

Безмолвное сопротивление — и сильный толчок.

— Пожалуйста, — пробормотала она по-французски, уже стоя на четвереньках. — Пожалуйста. Мне очень жаль.

Второй толчок, короткий вскрик, растворившийся в шуме волн и ветра, — и она сорвалась с края уступа и вместе с мелкими камешками устремилась вниз, навстречу скалам.

А потом воцарилась тишина, нарушаемая лишь шелестом ветра, который перебирал тонкие ветви чахлах деревьев, и звуком шагов — неторопливых и легких.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Перед приездом в Сент-Стивенс я каждую ночь видела его во сне. Я воображала величественные здания, и эти картинки накладывались на образ мифического Бригадуна — шотландского острова, который появляется раз в столетие. Порой я была в своих снах одна, порой — с Розой, только я была Розой, а она — мной.

Роза Брюстер.

— Меня зовут Роза, как цветок, — обычно говорила она, представляясь под громкую музыку на вечеринках. Мы не виделись после выпуска, но я прекрасно помню, как перед экзаменационной неделей мы не спали целую ночь, делили на двоих пачку «Мальборо Лайт» и, сидя в общей комнате, забрасывали друг друга вопросами из билетов. Роза отвечала без запинки даже после трех часов ночи — я к тому времени уже переставала что-либо соображать, — а наутро выглядела свежей и цветущей. Ее светлые локоны лежали так художественно-небрежно, что моя соседка по комнате спросила, делала ли она укладку. Я только рассмеялась. Будь на моем месте кто-нибудь другой, он, возможно, возненавидел бы Розу, но между нами никогда не было неприязни. Сдав экзамен на «отлично», Роза написала мне, что не справилась бы, если бы накануне мы не занимались всю ночь напролет.

Роза была единственной, кто знал меня еще в Шотландии. Но даже она не знала, что я сотворила.

В 2006 году мне только исполнилось двадцать три, и у меня были планы, в первую очередь — оставить прошлую жизнь в Бостоне. Одним позднеавгустовский жарким днем я сошла с поезда и начала новую жизнь.

Сент-Стивенс располагается на холме, о гранитные скалы которого неустанно бьются бушующие ледяные воды Северного моря. Большинство зданий выглядят как средневековые, однако на самом деле они построены в стиле неоготики: высокие шпили, стрельчатые арки, большое количество декоративных элементов... Серость — вот как можно описать

архитектуру, погоду и атмосферу городка. Сент-Стивенс известен и как центр Реформации, и как место расположения почитаемого университета, которому уже насчитывается шестьсот лет. Площадь Сент-Джона — самая старая часть кампуса, где в солнечные дни студенты сидят на скамейках вдоль богато украшенных зданий пятнадцатого века и любят плутом, плетушимся по стенам.

Сент-Стивенс может похвастаться одним из самых известных исторических факультетов в мире, но меня в первую очередь привлекла возможность поработать с Мадлен Гранжье, эксцентричной французской феминисткой, экспертом по мягкой силе, которой в шестнадцатом веке обладали женщины при европейских дворах. Профессор Гранжье свободно говорила на шести языках и внесли большой вклад в область, которая меня интересовала. К тому времени она проработала в Сент-Стивенс всего два семестра.

На следующий после приезда день я тщательно выбирала одежду, готовясь к встрече с профессором Гранжье. Не то чтобы я пыталась произвести на нее впечатление. Возможно, мне хотелось казаться скорее европейкой, чем американкой. Я где-то вычитала, что улыбка посылает в мозг сигналы, которые вызывают ощущение счастья, поэтому порепетировала улыбку перед зеркалом и пошла на кафедру истории, петляя дворами и представляя, что скажу своему новому научному руководителю.

Тремя улицами южнее от площади Сент-Джона я увидела здание из красного кирпича, зажатое между домами из песчаника. Пройдя через ворота с кованой железной решеткой, я поднялась на четвертый этаж и обнаружила в конце коридора кабинет профессора Гранжье.

Я негромко постучала, и дверь открыл седовласый мужчина в бордовом свитере. При виде меня выражение его лица преобразилось.

— Профессор... Эндикотт? — Я узнала заведующего кафедрой, потому что видела его фотографии на сайте университета и на обложках многочисленных книг. Я протянула руку, но профессор Эндикотт ее проигнорировал. — Меня зовут Изабель Хенли. Я восхищаюсь вашей работой. Приятно познакомиться.

— Да, мне тоже. — Он взглянул на меня через плечо: — Проходите, мисс Хенли. — Махнул рукой. — Пожалуйста, садитесь в одно из кресел у камина.

Я сняла пальто и села.

— Когда вы приехали?

— Прилетела вчера из Штатов. Разве это не офис профессора Гранжье?

Профессор Эндикотт поправил очки на носу.

— Вы... получили от нас письмо?

— Нет. Но я сменила адрес электронной почты около недели назад. Наверное, следовало об этом предупредить.

Профессор Эндикотт поджал губы:

— Мисс Хенли, у меня для вас печальные новости. Буквально на прошлой неделе профессор Гранжье... сорвалась с обрыва во время прогулки и упала. Она разбилась насмерть.

Перед глазами на секунду все поплыло.

— Что?

— Мне очень жаль. Смерть Мадлен стала трагедией для всех нас. Учебные совет назначил меня вашим куратором, надеюсь, вас это устроит. Меня впечатлили ваше заявление и академические достижения.

Я вцепилась пальцами в подлокотники кресла.

— Да, конечно. Я... Я буду рада поработать с вами. Профессор Эндикотт.

Профессор Эндикотт продолжал говорить, но я, пытаясь переварить услышанное, воспринимала его слова как фоновый шум. Потом профессор замолчал и выжидательно посмотрел на меня.

— А теперь расскажите о себе, пожалуйста.

— В университете я изучала французский и историю, — начала я. — Работала с парижскими архивами и занималась вопросами франко-тосканских взаимоотношений...

Профессор Эндикотт взглянул на дверь, потом снова на меня. Я услышала стук и выдохнула.

— Входите, — пригласил профессор.

Появившаяся на пороге девушка была стройной и немного мужеподобной. Светлые джинсы, жилетка в шотландскую клетку, в руках — шеститомник Энрико Давила «Istoria

delle guerre civili di Francia». Должно быть, нелегко подняться на четвертый этаж, особенно на каблуках.

— Простите, что прерываю, — проговорила девушка, пересекая комнату. — Я обещала вернуть книги, — добавила она и положила все шесть томов на стол. На ее указательном пальце сверкнуло толстое золотое кольцо с красным камнем.

— Позвольте представить Катрину Паркер. Катрина получила здесь степень бакалавра и хорошо знает округу. Она изучает мирные договоры тысяча пятьсот семидесятых годов, — сообщил профессор Эндикотт.

Я встала и пожала девушке руку. Она посмотрела на мои туфли и окинула меня быстрым взглядом.

— Рад был познакомиться с вами, мисс Хенли, — добавил профессор Эндикотт. Катрина подошла к нему и посмотрела на меня.

— Я с нетерпением жду начала работы. — Я уже надевала пальто. — Не подскажите, где находится офис Розы Брюстер?

— Этажом ниже. Но не думаю, что она уже вернулась из поездки, — произнесла Катрина. — Если вернулась, то она будет на встрече со студентами, которая пройдет сегодня вечером. — Она наклонила голову и добавила: — Вы знакомы?

— Мы вместе учились. Еще раз спасибо. — Я вышла и захлопнула за собой дверь.

Найджел Эндикотт — превосходный ученый, однако его специализация несколько далека от моей. Я с нетерпением ждала возможности поработать с профессором Гранжье. Теперь она мертва. Я глубоко вздохнула и мысленно сказала себе: «Все хорошо, Изабель».

Ложь — одна из многих, которые я говорила себе на протяжении последнего года.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Светло-серое небо почернело, заморосил дождь. Я шла по Саус-стрит, пока она не пересеклась с Норт-стрит и Маркет-стрит. Там, на перекрестке трех улиц, стоял собор Святого Стефана, который был сожжен во времена Реформации и служил вечным напоминанием о рвении ранних протестантов. Высокие шпили, видневшиеся из любой части города, высокие стены, но... никакой крыши. Сквозь арочные проемы, давно лишённые стекол, свободно гулял ветер. За забором виднелись надгробные плиты, наполовину утопленные в траве. Я наклонилась, пытаясь прочесть надпись на одной из могил, но сквозь толстый слой мха разглядела всего несколько слов. Ветер начал усиливаться.

Я прошла мимо шумной группы испанских туристов с камерами на шеях. Одетые в футболки, они дрожали от холода. Через распахнутую дверь в дальнем конце собора виднелось темно-синее море.

Пройдя зигзагами между надгробий, я вышла в открытую дверь и, оказавшись за стенами собора, которые защищали от непогоды, принялась любоваться игрой волн. Потом плотнее запахнула пальто и обернулась. Какой-то незнакомец стоял у меня за спиной и улыбался, засунув руки в карманы. Я сделала шаг назад. Взгляд заметался по сторонам, а в голове промелькнула мысль: «Услышат ли меня испанские туристы, если позвать на помощь?». Очень вряд ли.

— Вы — новый докторант, не так ли? — спросил незнакомец.

— Да, — ответила я.

— Я Уильям Андерсон, преподаватель. Вас зовут Изабель Хэндли, верно? Добро пожаловать в Сент-Стивенс.

Высокий, с каштановыми волосами и серо-темными, почти как воды Северного моря, глазами. На вид около тридцати пяти. Непонятный акцент. Уэльский? Длинное черное пальто выглядело мягким и теплым. А еще — дорогим.

— Хенли, — поправила я. — Не Хендли.

Я не хотела показаться недружелюбной, но слова, слетевшие с моих губ, прозвучали ворчливо.

— Забавно столкнуться с вами вот так. Здесь. Под дождем.

— О, вы быстро привыкнете. В Сент-Стивенсе сталкиваться с людьми — обычное дело. Это маленький городок.

Андерсон провел рукой по мокрым волосам, и я воспользовалась возможностью, чтобы проверить, есть ли на его руке обручальное кольцо. Кольца не было.

— Мне пора, — добавил Андерсон. — Еще увидимся.

Моя квартира находилась на втором этаже небольшого здания позади автостоянки. Я подписала договор аренды через Интернет и осталась довольна — пусть даже дом был старым и находился не в фешенебельной части города. Меня подкупила цена. Я отперла дверь в подъезд и поднялась по лестнице. Мне не по карману оставлять батареи включенными — все равно через щели в тонких, плохо подогнанных оконных стеклах просачивается холодный воздух. Я решила заварить чай.

Не найдя чайника, я наполнила водой кастрюлю, поставила ее на плиту и пошла в спальню. Обогреватель щелкнул, стоило его включить.

Встреча кафедры начнется только в пять, поэтому я упала на кровать, не снимая пальто, и уставилась в потолок. Поверить не могу, что профессор Гранжье мертва...

Возможность поработать с профессором Гранжье была главной причиной, по которой я решила приехать в Сент-Стивенс. Главной, но не единственной. Изучая лучшие программы магистратуры за пределами Соединенных Штатов, я увидела на сайте Университета Сент-Стивенс имя и фотографию Розы Брюстер. Мы учились в одном гуманитарном университете под Бостоном. Роза была на два года старше меня.

Людей у нас в группе было мало, однако я не могла с уверенностью сказать, что Роза меня не забыла. Вот я помнила ее хорошо — что неудивительно, ведь я следила за ее успехами. Роза была президентом Французского общества, Итальянского общества и драматического клуба. На заседаниях клуба она выглядела уверенной и напористой, но не высокомерной. Она была прекрасным рассказчиком, и мы все открыв рты ловили каждое ее слово. Однажды я помогла ей организовать

вечеринку Итальянского общества, доход от которой должен был пойти на благотворительность. Тем вечером я собирала взносы, и Роза навещала меня каждый час — спрашивала, все ли хорошо, и приносила выпить. И так до четырех утра, пока вечеринка не закончилась. В перерывах между бокалами граппы Роза познакомила меня с парнем, с которым у нас потом случился мимолетный роман.

Роза была красивой и умной. О ней много говорили — по большей части у нее за спиной. Я считала Розу очень доброй и бесконечно обаятельной. Она не боялась показаться смешной, ей была не чужда самоирония.

В университетском городке ее всегда окружала свита, включая новых парней, которые, казалось, сменялись каждую неделю. Я училась по программе с двойной специализацией: историей и французским языком. Совсем как Роза. Руководитель нашего семинара Денис Вире специализировался на истории Франции шестнадцатого века. Он взял меня под свое крыло, как до того сделал с Розой.

В отличие от Розы я во время учебы вела себя очень скромно. Лучше всего меня знали библиотекари. На втором курсе я посетила выпускную церемонию французского факультета, на котором Роза получила престижную награду. Через два года я получила ту же награду, и Роза прислала мне милую записку, в которой приветствовала меня в «клубе».

Через год после выпуска, в самый тяжелый период моей взрослой жизни, я написала Розе и спросила о Сент-Стивенсе. Я следила за ней и видела ее имя в списках выступающих на конференциях, поэтому знала, что она пошла в ту же область, что и я. Роза меня вспомнила. Она высоко отзывалась о Сент-Стивенсе, пела дифирамбы Мадлен Гранжье, всему преподавательскому составу и студентам. Восхваляла продуваемые ветрами пляжи и город, каждый уголок которого пронизан историей. При этом упомянула, что здесь постоянно идут дожди, и посоветовала взять с собой прочный зонт, несколько макинтошей и резиновые сапоги. Сказала, что Сент-Стивенс — воплощение британского университета, каким представляют его американцы, и спросила: знаю ли я, что фильмы о Гарри Поттере снимали в Шотландии? Роза даже обещала

помочь мне найти финансирование, если университет не сможет покрыть все расходы.

— Звучит здорово, — ответила я. — Мне нравится мысль о том, чтобы оказаться подальше от Штатов и поближе к европейским архивам.

Не будет преувеличением сказать: Роза Брюстер спасла мне жизнь. Пусть даже не знала об этом.

Я уже засыпала, когда услышала четыре резких стука в дверь. Затем звякнула связка ключей, и входная дверь отворилась. В гостиной зажегся свет.

— Кто-то оставил плиту включенной.

Я вскочила с кровати, приоткрыла дверь спальни и увидела мужчину в бордовом бархатном пиджаке.

— Не бойтесь, — сказал он, — я ваш домовладелец, Чарльз.

Я приоткрыла дверь побольше.

— Рад знакомству, — улыбнулся он. — Не стесняйтесь, снимайте пальто. Или, может, вы собирались на улицу? В таком случае вам стоит причесаться. Я пришел показать, как пользоваться плитой, ванной и еще по мелочи.

Домовладелец устроил мне небольшую экскурсию, во время которой мне стало интересно: понимает и он, что я пропускаю все его слова мимо ушей?

— Говорят, в Сент-Стивенсе творится что-то странное, — сообщил он. — Я окончил университет более двадцати лет назад, и многое изменилось. Вы уже познакомились с городом? Мой долг — предупредить студентов-арендаторов, чтобы они не наступали на высеченные возле собора буквы «ТР». Это инициалы протестантского мученика, сторевшего на том самом месте. Любой студент, который наступит на них, провалит экзамены.

— Буду иметь в виду, — ответила я. — Вы сказали, что в Сент-Стивенсе творится что-то странное. О чем вы?

— Совсем недавно из библиотеки пропала книга Ньютона. Один из наших самых старых и ценных текстов. Принадлежала коллекции профессора химии, который завещал ее университету в девятнадцатом веке.

— Какой кошмар. Кто-нибудь знает, куда она могла подеваться?

— Рано или поздно книгу найдут — Сент-Стивенс похож на остров; здесь невозможно ничего утаить. Я не хотел вас напугать: город у нас безопасный, одинокой женщине ничего здесь не грозит. Да и потом... Уверен, в скором времени вы обзаведетесь друзьями, которые смогут составить вам компанию. В их числе наверняка будут ваши соотечественники. Они не самая заметная часть студенческого населения, но самая слышимая.

Я рассмеялась и постучала ногой по полу.

— Что же, я пойду. Купите себе электрический чайник, Изабель. Если, конечно, будет не очень трудно, — сказал домовладелец. — В прошлом году одна американка чуть не сожгла квартиру. В любом случае надеюсь, вы не устраиваете диких вечеринок?

— Вам не о чем беспокоиться. Я здесь, чтобы учиться, а не устраивать вечеринки.

Домовладелец прищурился.

— Точно! Вы же специализируетесь на истории? На прошлой неделе в результате несчастного случая погибла профессор с исторического факультета. Как странно...

— О чем вы?

— Я не уверен, что это был несчастный случай. Особенно учитывая слухи, которые ходили по городу. Мы виделись однажды. Красивая женщина... Вот только в Сент-Стивенсе ее не жаловали. Ее репутация...

— В каком смысле «не жаловали»?

— Во-первых, она добивалась членства в частном клубе, который с самого своего основания был только мужским. Подняла шум, когда ее не пустили, взбаламутила народ, город, университет.

Я уперла руки в бока.

— Не могу сказать, что виню ее.

— Проехали. И последнее, пожалуйста: не забудьте запечататься. На парковке по ночам ошиваются подозрительные типы. Без колебаний звоните, если вам что-нибудь понадобится. Мой номер у вас есть.

Не успела я что-либо ответить, как домовладелец ушел, плотно закрыв за собой дверь. Я выбросила его слова из го-